

DOI 10.35775/PSI.2025.127.10.005

УДК 32.327

М.Б. НАРМАЕВ

аспирант кафедры ТИМО Российского
университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы,
Россия, г. Москва
E-mail: narmaev1995@mail.ru

ВНУТРЕННЕЕ ИЗМЕРЕНИЕ: ЭВОЛЮЦИЯ КИТАЙСКОЙ КОНЦЕПЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (2014-2025)

Статья посвящена исследованию того, как в Китае изменялось понимание национальной безопасности в период с 2014 по 2025 гг. Проблематика работы связана с необходимостью объяснить, каким образом страна перешла от традиционного оборонного подхода к целостной концепции устойчивости. Целью анализа является выявление логики формирования «всеобъемлющей национальной безопасности» и ее институционального оформления в Белой книге 2025 года. В задачи исследования входит: проследить эволюцию дискурса, определить ключевые факторы изменений (внешние кризисы, пандемия, технологическое давление), а также описать новые управленческие практики. В работе использован структурно-функциональный подход, позволяющий рассматривать безопасность как систему взаимосвязанных элементов. Применялись сравнительный анализ Белых книг 2015, 2019, 2022 и 2025 гг., а также элементы дискурсивного анализа политических документов. Показано, что национальная безопасность в КНР перестала сводиться к военной сфере и приобрела междисциплинарный характер. Сформировались новые приоритеты: технологическая независимость, цифровой контроль, кадровая подготовка, региональная автономия в управлении рисками. Белая книга 2025 года закрепила представление о безопасности как об экосистеме, в которую вовлечены государственные институты, бизнес, университеты и местные сообщества. Эволюция китайской модели демонстрирует переход от реактивного подхода к проактивному. Безопасность теперь понимается как динамическое качество системы, обеспечивающее ее устойчивость даже в условиях хаоса. Такой подход превращает национальную безопасность в центральный принцип государственного управления и задает основу для долгосрочного развития.

Ключевые слова: Китай, национальная безопасность, Белая книга, международная безопасность, идеология, модернизация, концепция «общей судьбы», стратегическая автономия, политическая устойчивость, внешнеполитическая доктрина.

Введение. К середине 2020-х годов Китайская Народная Республика оказалась в точке, где вопросы национальной безопасности стали восприниматься не просто как сфера, требующая усиленного внимания, а как та структура, которая определяет и форматирует государственную политику в целом. Это не столько реакция на внешнее давление, сколько отражение внутренней трансформации: государственные механизмы, выстраиваемые в КНР с конца 1970-х

годов, достигли стадии, на которой стабильность и способность к управлению оказываются столь же критически важными, как и экономический рост. Именно в этом контексте в мае 2025 года была опубликована очередная Белая книга, посвященная вопросам национальной безопасности. На первый взгляд, очередной официальный документ. Однако структура, лексика и акценты позволяют утверждать: перед нами – не просто отчет, а программное заявление, отражающее принципиальные изменения в подходе Пекина к управлению внутренними и внешними рисками [1. С. 123-132].

Что отличает этот текст от его предшественников? Ответ на этот вопрос, как правило, ускользает, если читать Белую книгу в режиме перечня. Между тем, именно сопоставление логики изложения, повторяющихся формул, точек напряжения – позволяет заметить смещение: от угрозы – к уязвимости, от контроля – к устойчивости, от обороны – к преднамеренному управлению хаосом. Понятие «национальной безопасности», которое еще недавно в китайской традиции трактовалось преимущественно в духе защиты границ, режима и курса партии, теперь расширяется и охватывает все: от цифровой инфраструктуры до культурной самоидентификации. Все это – объекты охраны, и одновременно – элементы управления [4. С. 254-264].

В фокусе данного документа – не просто реагирование, а системное регулирование. Китай предлагает собственную трактовку безопасности, которая формируется не в контексте блоковой логики или противопоставления «другим», а как способ сохранить работоспособность государства при постоянном внешнем и внутреннем давлении. Идея заключается не в том, чтобы исключить угрозу, а в том, чтобы построить систему, в которой угроза не становится катастрофой. Отсюда – акцент на предсказуемость, цифровую суверенность, кадровую согласованность, а также на устойчивость институциональной памяти и смыслового поля [6. С. 382-394].

Цель настоящей статьи заключается не столько в том, чтобы пересказать содержание Белой книги от 2025 года. Это было бы избыточно. Задача – в другом: показать, каким образом китайская политическая логика собирает разрозненные элементы реальности (технологии, идеологию, международное давление, экономику) в единую систему, подчиненную идее незащищенного, но живого целого. Такой подход не совпадает с западным – ни в терминах, ни в базовых посылах. И именно поэтому требует отдельного и аккуратного рассмотрения.

Сравнение с предыдущими Белыми книгами (2015, 2019, 2022 гг.) позволяет выявить изменения в структуре угроз, а также в распределении ответственности между государственными институтами. Теперь безопасность – это не только забота профильных министерств, а задача, которой наделяются системы образования, цифровые ведомства, научно-исследовательские учреждения и даже местные органы власти. Такой децентрализованный, но идеологически согласованный подход говорит о высокой степени внутреннего институционального доверия – и одновременно о растущем понимании сложности современной среды.

Научная новизна статьи заключается в попытке рассмотреть документ не как набор официальных позиций, а как структуру политического мышления,

оформленную в язык нормативного управления. Белая книга – это не инструкция. Это диаграмма, отражающая, как Китай мысленно видит свое место в мире, какие риски считает допустимыми, а какие – несовместимыми с устойчивостью. Это текст, в котором безопасность становится не предметом реакции, а основой проектирования будущего.

В конечном счете, Белая книга КНР 2025 года – это не просто документ о безопасности. Это способ Китая объяснить, в чем он сам видит смысл своей устойчивости, как он защищается от дестабилизации, и по каким признакам отличает угрозу от давления, напряжение от вызова. И именно в этой тонкой, но важной логике – главное содержание нового китайского политического языка, который становится все более самостоятельным по отношению к глобальному мейнстриму.

Методологические основания анализа Белой книги КНР (2025 года).

Работа с программными документами КНР, особенно с теми, которые касаются сферы национальной безопасности, требует от исследователя повышенной чувствительности к контексту и внимательности к деталям, часто ускользающим при прямом переводе или буквальном прочтении. Белая книга 2025 года – не исключение. Как и большинство подобных текстов, она ориентирована на широкий круг задач: от идеологической мобилизации до дипломатического позиционирования. При этом документ сохраняет внутреннюю логическую стройность, что позволяет рассматривать его как завершённый концептуальный продукт, выстроенный в соответствии с определенной интеллектуальной традицией.

Одним из методологических вызовов при анализе подобных документов является то, что они содержат множество повторяющихся формулировок и устойчивых конструкций, которые при поверхностном рассмотрении могут восприниматься как риторика. Однако в китайской традиции подобные обороты часто служат маркерами смысловых узлов, через которые выстраивается иерархия приоритетов. Не случайно, одни и те же термины встречаются в разных разделах, но в измененной смысловой окружности. Поэтому целесообразно отказаться от линейного прочтения и перейти к модульному, при котором документ осмысливается как система взаимосвязанных фрагментов, каждый из которых получает значение только в контексте целого [2. С. 60-69].

Для анализа Белой книги 2025 года используется несколько пересекающихся аналитических рамок. Прежде всего, применяется подход, опирающийся на реконструкцию смысловой архитектуры текста – от общего к частному. Это позволяет не столько пересказать содержание, сколько понять, какие связи между темами авторы считают принципиальными. Например, упоминание технологической независимости не рассматривается как отдельный пункт, а связывается с вопросами идеологической устойчивости, что указывает на то, что в китайском дискурсе эти сферы не разделены столь жестко, как в западной политической традиции.

Отдельное внимание уделяется концепции всеобъемлющей безопасности, которая занимает центральное место в документе. Ее происхождение восходит к идеям, озвученным еще в середине 2010-х годов, но в Белой книге 2025 года

этот подход получает качественно новое развитие. Безопасность трактуется не как реакция на угрозу, а как условие развития, как способ обеспечить устойчивость при нарастающей внешней нестабильности и внутреннем усложнении социальной структуры². Интересно, что структура угроз не подается в виде ранжированного списка – скорее, она напоминает сеть, в которой каждый элемент может активизировать другие. Это сближает китайский подход с системным мышлением, распространенным в инженерных и технологических областях.

Сравнительный анализ Белой книги 2025 года с ее предшественниками (2015, 2019, 2022 гг.) позволяет проследить, как эволюционирует сам язык угроз. Если ранее акценты делались на внешней нестабильности, то в новой редакции все чаще звучит тема внутренних вызовов – от ослабления идеологических ориентиров до рисков фрагментации культурного пространства. Это не означает поворота к изоляционизму, скорее – усиление настороженности в отношении того, как внешнее может проникать внутрь через информационные, технологические и образовательные каналы.

Методологически в данной работе сочетается структурный и дискурсивный анализ. Первый позволяет зафиксировать внутренние зависимости и повторяющиеся тематические линии, второй – выявить, как через формально нейтральные формулировки передаются приоритеты и тревоги. Особое значение имеет выбор языка и порядок тем. Например, уже в самом начале Белой книги появляется связка «развитие – стабильность – безопасность», которая затем повторяется в разных формах и контекстах. Это указывает на то, что авторы документа стремятся сформулировать не набор мер, а модель мышления, где безопасность выступает не отдельной сферой, а логикой функционирования системы в целом [3. С. 299-312].

Нельзя анализировать Белую книгу 2025 года в отрыве от контекста, в котором она создавалась. Этот документ не возник изолированно – он появился в тот период, когда в системе национальной безопасности Китая происходили значимые институциональные перестройки. В частности, речь идет о расширении роли Комиссии по национальной безопасности при ЦК КПК, которая за последние годы превратилась из консультативного звена в один из ключевых механизмов координации внутри управленческого аппарата. Влияние этих изменений заметно уже на уровне самой структуры текста: Белая книга не просто излагает набор тезисов или позиций, она построена как управленческая матрица, распределяющая акценты и зоны ответственности между различными уровнями власти и функциональными блоками системы [5. С. 11-19].

По сути, мы имеем дело с документом, который выполняет двойную функцию. С одной стороны – он отражает официальную позицию государства по вопросам международной и национальной безопасности. С другой – он играет роль инструмента внутреннего управления, задающего направления действий для тех, кто будет реализовывать политику на практике. Это придает тексту особую плотность: за каждым утверждением стоят не только слова, но и ожидания конкретных механизмов исполнения, что говорит о растущей интеграции аналитической и нормативной функции стратегических документов.

В этом свете становится особенно важно не только содержание Белой книги, но и то, каким образом она организована. Здесь прослеживается определенная логика: документ как бы моделирует реальность, в которой Китай существует уже не в статичном мире, а в пространстве, где переменны – это константа. Не случайно акцент сделан не на кризисах как таковых, а на способности системы функционировать в условиях многослойной нестабильности. Такой подход говорит о том, что безопасность понимается не как реакция на угрозу, а как постоянное усилие по удержанию устойчивости в условиях неустойчивого мира.

Можно сказать, что Белая книга 2025 года – это не просто описание текущих задач, а своего рода инструмент проектного мышления. Она задает рамку, в которой государство пытается не столько реагировать на отдельные вызовы, сколько выстраивать образ желаемого порядка. И этот порядок предполагает, что хаос – это не сбой, а ожидаемая среда, с которой нужно уметь работать заранее, а не постфактум. Именно такая логика превращает документ из свода политических деклараций в отражение целостного подхода к управлению реальностью.

Как формировалась система безопасности КНР: от отдельных реакций к целостной стратегии (2014-2025). Внимание к вопросам национальной безопасности в Китае стало усиливаться на фоне целого ряда внутренних и внешних изменений, которые накапливались в течение последних лет. Ситуация в мировой политике стала менее предсказуемой, усилились технологические риски, а прежняя вера в экономическую взаимозависимость как в гарант стабильности постепенно сменилась обеспокоенностью ее обратной стороной – уязвимостью [11]. В этих условиях КНР начала формировать собственное понимание безопасности, охватывающее не только военные границы, но и более широкие аспекты функционирования государства. Этот переходный процесс занял значительный период времени, однако особую динамику он приобрел после 2014 года, когда в официальной риторике появилась формула «всеобъемлющей национальной безопасности» [7]. Она отражала изменение самой логики: безопасность перестала пониматься как реакция на угрозы и стала трактоваться как основа устойчивого развития. Иначе говоря, акцент сместился с защиты от единичных рисков к проактивному управлению ими в рамках всех сфер государственной жизни.

С середины 2010-х годов – особенно с 2015-2016 годов – китайское руководство все больше внимания уделяло тем вызовам, которые ранее не входили в традиционное поле деятельности силовых структур [9]. Это включало в себя вопросы доверия внутри общества, контроль над информационными потоками в цифровой среде, сохранение культурной идентичности и достижение технологической независимости. Дополнительным толчком для переосмысления стали события 2018 года, когда разгорелась торговая конфронтация с США. Ограничения на доступ к высокотехнологичным компонентам со стороны Вашингтона обозначили потенциальные слабые места в экономической архитектуре Китая. Осознание этой уязвимости заставило Пекин рассматривать технологическую автономию как критически важный элемент национальной безопасности. Параллельно происходила переоценка внутренних приоритетов: начиная с 2018 года, в повестке все более отчетливо стали звучать вопросы культурной

и идеологической безопасности – защита от внешнего влияния в сети, противодействие идеологической деструкции в молодежной среде, контроль за содержанием образовательных программ [12]. Все эти элементы постепенно складывались в единую стратегию, отражающую комплексный и долговременный подход к обеспечению внутренней стабильности.

Значимым этапом, укрупнившим консолидацию подходов, стала пандемия COVID-19. Она наглядно продемонстрировала: даже риски, не имеющие военной природы, способны парализовать функционирование целых стран. Китай, в отличие от многих, оказался подготовлен лучше – и именно потому, что уже начал строить систему, в которой безопасность рассматривалась шире привычного. Эпидемия показала: эффективный ответ возможен лишь при слаженности между ведомствами, оперативном доступе к данным и высокой управляемости общества [10].

После 2020 г. курс на стратегическую автономию получает дополнительное закрепление в концепции «двойной циркуляции». Ее суть – опора на внутренний рынок, снижение уязвимости от внешней конъюнктуры, развитие собственных научных и производственных мощностей. При этом открытость не отрицается, но ее условия – внутреннее доверие, технологическая база, социальная устойчивость. Таким образом, внутренняя и внешняя политика безопасности начинают сливаться в единое целое [8].

К 2025 г. китайская доктрина безопасности представляет собой уже не набор отдельных документов, а слаженно выстроенную структуру, где каждое направление – от энергетики до культурной политики – рассматривается через призму уязвимостей и потенциальных рисков. Белая книга, опубликованная в мае 2025, не столько фиксирует это положение, сколько демонстрирует завершение перехода: от реактивного управления к проактивной, системной защите всего, что поддерживает функционирование государства [10].

Что особенно важно – этот переход не свелся к жесткой централизации или силовому подходу. Напротив, во многих сферах речь идет о распределенной ответственности, о вовлечении гражданских институтов, университетов, компаний, исследовательских центров. Подход Китая к безопасности стал напоминать экосистему: она сложная, многослойная, но работает как единый организм. Именно в этом, вероятно, и кроется главное отличие китайского видения: безопасность здесь – это не просто охрана чего-то внешнего, а форма внутренней организации, готовой адаптироваться к сложной реальности [7].

Заключение. Таким образом, внутренняя эволюция китайской модели национальной безопасности за период 2014-2025 гг. показывает переход от реактивного подхода к проактивному. Если раньше акцент делался на отражении конкретных угроз, то теперь главная задача – выстроить устойчивую систему, способную работать в условиях постоянной нестабильности.

Белая книга 2025 года закрепила этот переход, оформив безопасность как экосистему, где военные, политические, культурные и технологические элементы соединены в единую конструкцию. Модернизация институтов, развитие цифровых платформ, подготовка кадров, вовлечение регионов и частного сектора – все

это говорит о том, что Китай создает многоуровневую систему, которая не просто защищает от внешних и внутренних вызовов, а превращает их в управляемые процессы.

Именно в этом заключается ключевое отличие современной китайской концепции от ее прежних версий. Безопасность больше не воспринимается как состояние покоя или отсутствие угроз. Она понимается как динамическое качество, способность системы к адаптации и развитию даже в условиях хаоса. Такой подход делает национальную безопасность в Китае не только инструментом защиты, но и основой проектирования будущего.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Абдрахимов А.Р.** Идея «Великое возрождение китайской нации - Китайская мечта» Си Цзиньпина как идеологическая основа национальной безопасности Китая // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. № 4. DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-1-189-203.
2. **Лузянин С.Г., Трощинский П.В.** Обеспечение национальной безопасности Китая на современном этапе (нормативно-правовой аспект) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 1. DOI: <https://jzsp.ru/articles/article-2637.pdf>
3. **Меркулов К.К.** О новых инициативах КНР в сфере глобального управления (осень 2023 г.) // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XXIX: ежегодное периодическое издание / сост., отв. ред. Е.И. Сафронова / Ин-т Китая и совр. Азии Рос. акад. наук. М.: ИКСа РАН, 2024. DOI: 10.48647/ICCA.2024.36.60.020.
4. **Михалевич Е.А.** Концепция киберсуверенитета Китайской Народной Республики: история развития и сущность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 2. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-2-254-264.
5. **Петровский В.Е.** «Инициатива в области глобальной безопасности» глазами китайских политологов // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XXVIII: ежегодное издание / сост., отв. ред. Е.И. Сафронова / Ин-т Китая и совр. Азии Рос. акад. наук. М.: ИКСа РАН, 2023. DOI: 10.48647/ICCA.2023.36.14.002.
6. **Понька Т.И., Рамич М.С., У Ю.** Информационная политика и информационная безопасность КНР: развитие, подходы и реализация // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 2. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-382-394.
7. **Andrea Ghiselli.** Protecting China's Interests Overseas: Securitization and Foreign Policy. Oxford University Press, 2021. DOI: 10.1093/oso/9780198867395.001.
8. **Chen X.** Holistic National Security View Supports National Revival, CICIR. Apr 2021 // <http://www.cicir.ac.cn/UpFiles/file/20211217/6377533609314530494201492.pdf>.
9. **Drinhausen K., Legarda H.** Comprehensive National Security unleashed: how Xi's approach shapes China's policies at home and abroad. MERICS Report, Sep 2022 // <https://merics.org/report/>

comprehensive-national-security-unleashed-how-xis-approach-shapes-chinas-policies-home-and.

10. **Mathieu Duchâtel.** Reading China's White Paper on National Security in the New Era. Institut Montaigne, May 2025 // <https://www.institutmontaigne.org/en/expressions/reading-chinas-white-paper-national-security-new-era>.
11. **Sheena C. Greitens.** China's National Security Commission and the Comprehensive Security Concept. U.S.-China Economic and Security Review Commission, Sep 2021 // https://www.uscc.gov/sites/default/files/2021-01/Sheena_Chestnut_Greitens_Testimony.pdf
12. **Slawotsky J.** Conceptualizing National Security in an Era of Great Power Rivalry: Implications for International Economic Law. East Asia, 2024. DOI: 10.1007/s12140-024-09434-y.

M.B. NARMAEV

Postgraduate student of the Department
of Theory and History of International Relations
at RUDN University, Moscow, Russia

THE DOMESTIC DIMENSION: THE EVOLUTION OF CHINA'S NATIONAL SECURITY CONCEPT (2014-2025)

The article is devoted to the study of how China's understanding of national security changed in the period from 2014 to 2025. The issue of the work is related to the need to explain how the country has moved from a traditional defense approach to a holistic concept of sustainability. The purpose of the analysis is to identify the logic of the formation of a «comprehensive national security» and its institutionalization in the 2025 White Paper. The objectives of the research include: to trace the evolution of the discourse, identify key factors of change (external crises, pandemic, technological pressure), and describe new management practices. The paper uses a structural and functional approach that allows us to consider security as a system of interrelated elements. Comparative analysis of the White Papers of 2015, 2019, 2022 and 2025, as well as elements of a discursive analysis of political documents, were used. It is shown that national security in China has ceased to be limited to the military sphere and has acquired an interdisciplinary character. New priorities have emerged: technological independence, digital control, personnel training, and regional autonomy in risk management. The 2025 White Paper solidified the idea of security as an ecosystem involving government institutions, businesses, universities, and local communities. The evolution of the Chinese model demonstrates the transition from a reactive approach to a proactive one. Security is now understood as the dynamic quality of a system, ensuring its stability even in conditions of chaos. This approach turns national security into a central principle of public administration and sets the foundation for long-term development.

Key words: China, national security, White Paper, international security, ideology, modernization, concept of «common destiny», strategic autonomy, political stability, foreign policy doctrine.